ВАЛЕРИЙ СНАТКИН
ГОСТИНИЦА МОСКВА
КИНО
КИНОЗ
РЕСТОРАН
НАЗАД В СССР:
ФАРЦОВЩИК

Валерий Снаткин

Назад в СССР: Фарцовщик

https://litres.ru/74565168
SelfPub; 2026

Аннотация

В 2026 году я был топовым директором по закупкам и логистике федеральной торговой сети. Я мог достать тонну чипсов из Китая в разгар санкций и знал, как забить товаром тысячи магазинов. Но после автокатастрофы я очнулся в 1978 году.

Теперь я — Пашка Ивлев, 18-летний студент Института советской торговли. Вокруг золотая эпоха застоя, Ленинград, коммуналка, пустые полки магазинов и тотальный дефицит всего — от импортных джинсов до жевательной резинки. Для обычного человека это кошмар. Для меня — рынок с бесконечным потенциалом.

Я не собираюсь спасать Советский Союз и переписывать политическую историю. Моя цель скромнее — построить подпольную торговую империю прямо под носом у ОБХСС. Посмотрим, чего стоят методы современного ритейла в реалиях плановой экономики. Главное — не схлопотать расстрельную статью за спекуляцию в особо крупных...

Содержание

Пролог 4
Глава 1. Проверка на прочность 8
Глава 2. Психология ритейла 14
Глава 3. Золотой сегмент 20
Глава 4. Маркетинг против комсомола 26
Глава 5. Жесткие переговоры 33
Глава 6. Огни «Метрополя» 39
Глава 8. Номенклатурный билет 44
Глава 8. Номенклатурный билет 48
Глава 10. Смотрины в Репино 52
Глава 10. Смотрины в Репино 58
Г 64
Конец ознакомительного фрагмента. 65

Валерий Снаткин
Назад в СССР: Фарцовщик

Пролог

В порту Усть-Луги выл пронизывающий балтийский ветер, швыряя в лобовое стекло «Ауди» колючую ледяную крупу. Павел Ивлев, сорокалетний директор по логистике и закупкам крупнейшего федерального ритейлера, зло нажал на кнопку отбоя. Телефон на пассажирском сиденье тут же зажужал снова.

— Да, Слава, я ещё на терминале, — не снимая гарнитуры, глухо бросил Павел в микрофон. — Таможня дала добро. Сигареты вышли, контейнеры с бытовой химией встали на досмотр. Всё под контролем, не ори. Завтра к утру фуры будут на распределительном центре в Москве.

Павел устало потер переносицу. Позади были двое суток ада: застрявшие на границе грузы, параллельный импорт через три страны, санкции, угрозы срыва поставок для сотен магазинов по всей стране и бесконечные переговоры с китайскими поставщиками. В своей сфере Ивлев был гением. Он мог достать черта лысого из-под земли, выбить безумную скидку у самого жадного фабриканта и просчитать маршрут доставки в обход любых запретов. Он знал о торговле всё.

И платил за это круглосуточным стрессом и полным отсутствием личной жизни.

Автомобиль плавно выехал с портовой территории на темную, скользкую трассу. До заправки оставалось километра три, когда фары «Ауди» внезапно выхватили из темноты летящую на встречную полосу многотонную фуру. Водитель грузовика, видимо, уснул.

Времени на маневр не оставалось. Павел успел лишь до упора выжать педаль тормоза, краем сознания отметив, как дико закричали покрышки по гололеду. Ослепительный свет чужих фар, оглушительный скрежет сминаемого металла и резкая, вспыхнувшая на долю секунды боль в груди.

А затем наступила абсолютная, звенящая тишина.

Павел очнулся от того, что его легкие буквально разрывало от удушливого, едкого дыма. Но это был не дым от горящего пластика или бензина. Пахло дешевым табаком, пережаренным на комбижире минтаем и чем-то приторно-кислым.

— Пашка! Ивлев, паразита кусок! — оглушительный женский визг над самым ухом заставил его резко распахнуть глаза. — Ты опять свои финские журналы с голыми девками в общую дровяную корзину спрятал?! Сгною в милиции, спекулянт несчастный! Марш на кухню, там твой дежурный день по коридору, а Клавдия Семеновна уже третий раз ведро выносит!

Павел резко сел, едва не ударившись головой о низкую

полку. Грудь не болела. Руки были целы. Но это были… не его руки. Тонкие запястья, бледная молодая кожа, полное отсутствие привычных шрамов и дорогих часов.

Он сидел на узкой железной кровати с панцирной сеткой в комнате площадью от силы метров двенадцать. Обои в пожелтевших цветочках, на стене — выцветший плакат с футболистами ленинградского «Зенита», на старом лакированном столе — стопка тетрадей в косую линейку и учебник «Экономическая география СССР».

Павел на неслушающихся ногах подошел к висящему на двери мутному зеркалу. Из засиженного мухами стекла на него смотрел худой, взлохмаченный восемнадцатилетний парень с правильными чертами лица и испуганными серыми глазами.

Ивлев медленно повернул голову к стене. Там, на ржавом гвоздике, висел отрывной календарь. Крупные красные цифры на верхнем листке аккуратно сообщали: *«15 сентября 1978 года»*.

— Мать твоя женщина… — хрипло, совсем чужим, ломающимся юношеским голосом прошептал Павел, оседая прямо на скрипучий паркет.

Он, директор по закупкам из 2026 года, только что попал в самый эпицентр советского застоя. В мир, где не было интернета, логистических схем и свободного рынка. В мир, где всё решал блат, а за продажу импортных джинсов можно было уехать в лагеря на лохматые годы.

Глава 1. Проверка на прочность

Голова раскалывалась так, словно по ней проехал тот самый грузовик из Усть-Луги. Павел сидел на полу, прислонившись спиной к ободранному косяку двери, и хватал ртом воздух. Воздух был плотным, тяжелым, пропитанным запахами пережаренного подсолнечного масла, дешевого стирального мыла и махрового табачища.

— Ивлев! Ты оглох, что ли?! — из коридора снова донесся пронзительный визг соседки. — Я кому говорю, ведро выноси! И журналы свои похабные из поленницы забери, а то участковому сдам!

Павел медленно поднялся. Тело слушалось плохо, оно казалось непривычно легким, худым и каким-то… угловатым. Он снова бросил взгляд на отрывной календарь на стене. *15 сентября 1978 года*. Мысли, до этого хаотично метавшиеся в голове, начали выстраиваться в четкую, хоть и безумную логическую цепочку.

Он не умер. Его сознание, опыт сорокалетнего топового закупщика крупной торговой сети из 2026 года, каким-то невероятным образом швырнуло назад во времени. Почти на пятьдесят лет назад. В тело восемнадцатилетнего тезки, Пашки Ивлева, студента Ленинградского института советской торговли. Настоящий Пашка, судя по обрывкам чужой памяти, всплывающим в голове, был сиротой, жил на нищен-

скую стипендию и пытался подрабатывать мелкой перепродажей всякого дефицитного хлама.

Павел подошел к столу. На нем лежал синий пластиковый пенал, пара общих тетрадей и завернутый в обложку из плотной бумаги учебник. Рядом высился массивный радиоприемник «Ригонда» на тонких деревянных ножках — гордость покойных родителей Пашки.

Вдруг в коридоре грохнула входная дверь. Раздался топот поспешных шагов, и в комнату, даже не постучав, ворвался парень примерно того же возраста, что и нынешний Павел. Шапка-петушок сбилась набок, воротник болоньевой куртки был оторван с мясом, а лицо бледное, как полотно. В руках он мертвой хваткой сжимал грязный мешок из-под картошки.

— Пашка… хана нам… — задыхаясь, прохрипел парень, спотыкаясь о порог. Это был Колька Смирнов, однокурсник и единственный подельник прежнего Павла. — Облава у Галереи! Дружинники вместе с ОБХСС накрыли точку Кости-Одессита. Меня срисовали, я дворами уходил, через проходные подъезды… Нас сдали, Паш! Точно сдали!

— Тихо. Остынь, — спокойно сказал Павел. В его бытности топ-менеджером кризисы случались трижды на дню: то контейнеры на таможне арестуют, то поставщик обанкротится. Главное — не поддаваться панике. — Что в мешке?

— Как что? Наш заказ! — Колька едва не плакал, трясущимися руками развязывая узел. — Три пары штанов «Super

Rifle», четыре баночки польского крема «Pani Walewska» и дефицитные блоки сигарет «Мальборо». Мы же на это все свои деньги спустили, еще и у Кости в долг взяли под честное слово! Если нас сейчас примут — это статья. Спекуляция! Из института с треском выпрут, а потом на зону, варежки шить!

Павел заглянул в мешок. Для парня из 2026 года этот «богатый контрабандный улов» выглядел смешно. Но для 1978 года здесь лежало целое состояние — рублей триста-четыреста по черному курсу. Годовая стипендия. И за это действительно сажали.

В этот момент в глубине длинного коридора коммуналки раздался тяжелый, требовательный стук в массивную входную дверь.

— Открывайте, милиция! — прогудел сытый, уверенный бас.

Колька охнул и осел на пол, прижимая мешок к груди как родного ребенка.— Всё… пришли… — зашептал он, синея губами.

У Павла внутри включился холодный, расчетливый процессор. Времени не было. Выбросить в окно? Под окнами наверняка дежурит второй дружинник. Спрятать под кровать? Первое место, куда заглянут при обыске. Под пол? Паркет старый, быстро не вскроешь.

Его взгляд упал на радиоприемник «Ригонда». Большой деревянный корпус, внутри — ламповая схема, динамики и

куча свободного пространства за задней стенкой из оргалита.

— Вставай, придурок! — прикрикнул Павел, хватая Кольку за шиворот и рывком поднимая на ноги. — Мешок сюда. Зубы сцепи и молчи. Быстро садись за стол, хватай ручку и делай вид, что конспектируешь лекцию по марксизму-ленинизму! Понял?!

Павел подлетел к «Ригонде». Пальцы помнили, как открывается задняя панель — прежний Пашка часто ковырялся в радио деталях. За секунду он сорвал крепления, вытряхнул джинсы из мешка, свернул их плотными рулонами и буквально утрамбовал в нижнюю часть корпуса, подальше от греющихся ламп. Туда же полетели блоки сигарет и тяжелые баночки с кремом. Сверху он накинул старую тряпку для пыли. Захлопнул панель, закрутил фиксаторы. Мешок из-под картошки швырнул в угол, завалив его грязным бельем.

В коридоре послышались шаги шаркающих тапочек соседки Клавдии Семеновны, а затем щелканье дверных замков.

— Колька, пиши! Быстро! — скомандовал Павел, падая на свою кровать и принимая расслабленный вид.

Колька, бледный как мел, судорожно скрипел перьевой ручкой в тетради, выводя кривые строчки про решения XXV съезда КПСС.

Дверь в комнату Павла распахнулась без стука.

На пороге стоял плотный мужчина в серой милицейской форме с погонами капитана. На его рукаве тускло поблескивала бляха ОБХСС — Отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности. За его спиной маячил бдительный дружинник в гражданском пальто и с красной повязкой на руке, а из-за их плеч победоносно выглядывал сосед по коммуналке — старик Аркадий Львович, известный на весь дом стукач и склочник.

— Так-так-так, — протянул капитан, внимательно осматривая комнату цепким взглядом профессионального сыщика. — Студенты, значит? Науку грызем? А гражданин Смирнов, кажется, только что от Галереи бегом бежал? Аж запыхался весь. Ну-ка, молодые люди, встаем. Будем искать то, что государству не принадлежит.

Капитан сделал шаг внутрь комнаты, и Павел понял: его новая жизнь в 1978 году начинается с игры ва-банк.

Глава 2. Психология ритейла

Капитан ОБХСС, на чьем литом латунном значке отчетливо читалось «Громов И. В.», не спеша прошел к центру комнаты. Он двигался как заправский хозяин положения: заглянул под кровать Павла, брезгливо пнул носком начищенного туфля кучу грязного белья в углу (пустой мешок из-под картошки его не заинтересовал) и подошел к столу.

Колька Смирнов в этот момент напоминал мраморную статую. Ручка в его пальцах мелко дрожала, ставя жирные чернильные кляксы прямо на словосочетание «материально-техническая база».

— Ну и что у нас тут? — Капитан Громов взял со стола открытую тетрадь Смирнова, мазнул по ней взглядом и бросил обратно. — Решения съезда, значит. Похвально. А почему у тебя, комсомолец Смирнов, поджилки трясутся и лицо такое, будто ты килограмм лимонов без сахара сожрал?

— Так… это… товарищ капитан, — Колька сиплым голосом выдавил из себя жалкое подобие звука. — Экзамен завтра по политэкономии. Профессор Зуев принимает, лютует страшно… Не успеваем мы.

Павел, продолжая лежать на кровати с максимально ленивым видом, про себя отметил: молодец Колька, для испуганного советского студента соврал вполне правдоподобно. Политэкономию в Институте торговли действительно боялись

все.

— Насчет экзаменов не знаю, — жестко оборвал его капитан, поворачиваясь к Павлу. — А вот гражданин Никаноров с первого этажа утверждает, что ты, Ивлев, полчаса назад в подъезд с тяжелым мешком заходил. И товарищ Смирнов к тебе следом влетел, озираясь как вор. Гражданский долг заставил сознательных жильцов вызвать органы. Где товар, Ивлев?

Старик Аркадий Львович, торчащий в дверях, мелко закивал и ехидно зашамкал губами:— Иноземщиной от них пахнет, товарищ капитан! Точно вам говорю! Пашка этот постоянно девок водит, музыку ихнюю патлатую слушает на всю катушку. Спекулирует, паразит!

Павел медленно, без суеты опустил ноги с кровати и поднялся. В 2026 году ему приходилось общаться с налоговыми инспекторами, жесткими аудиторами и прокурорскими проверками. Он знал главное правило: если у них нет прямых улик, они берут на пушку. Психологическое давление — их главный инструмент. Если ты начнешь оправдываться, заикаться или суетиться — ты проиграл.

— Товарищ капитан, — Павел посмотрел Громову прямо в глаза. Спокойно, уважительно, но без капли страха. — Аркадий Львович на меня зуб имеет, потому что я его внуку взаймы три рубля не дал на прошлой неделе. Вот он и фантазирует. А насчет мешка… Так я картошку от тетки из деревни привез. Возьмите, посмотрите, вон в углу сетка стоит,

там три килограмма осталось. Мы с Колей как раз отварить собирались перед учебой. Какая спекуляция? Мы советские студенты, комсомольцы.

Капитан Громов прищурился. Спокойный, уверенный тон Павла явно не вязался с его обычной картиной поимки мелких фарцовщиков. Те обычно сразу начинали плакать, сдавать подельников и совать мятые рубли в карман. А этот стоял ровно, руки по швам, взгляд чистый.

— Картошка, говоришь? — Капитан сделал два шага в сторону и остановился прямо напротив радиоприемника «Ригонда».

У Кольки за столом со свистом вырвался воздух из легких. Павел даже бровью не повел, хотя внутри на долю секунды все сжалось. Лампы внутри приемника были теплыми — Пашка слушал радио утром. Если Громов решит покрутить ручки или заглянуть за панель, он почувствует запах свежего импортного денима и полиграфии, который неизбежно нагревался от ламп.

Капитан Громов положил тяжелую ладонь на полированный деревянный корпус «Ригонды».

— Хороший аппарат, — медленно произнес Громов, постукивая пальцами по дереву. — Дефицитный. Откуда у сироты такие вещи, Ивлев?

— От родителей остался, товарищ капитан, — не дрогнув лицом, ответил Павел. — Отец на заводе «Светлана» передовиком был, премию получил. Если хотите, можете проверить, аппарат на учете в радиоателье Выборгского района стоит.

Громов еще раз внимательно осмотрел комнату. Искать тщательно, с понятыми и вскрытием полов, у него не было законных оснований — ордер на обыск никто не выписывал, это был обычный оперативный выезд по наводке бабки-соседки. Если бы товар лежал на виду или под кроватью — другое дело. А переворачивать комнату вверх дном ради «сиг-

нала» обиженного пенсионера капитан ОБХСС не имел права, за такое по головке в управлении не погладят.

Капитан повернулся к двери и жестко посмотрел на притихшего старика.— Значит так, гражданин Никаноров. Если вы еще раз дежурную часть по пустякам отвлекать будете из-за своих коммунальных склок — я лично оформлю на вас протокол за ложный вызов. Понятно?

Аркадий Львович испуганно ойкнул и втянул голову в плечи.

Громов снова перевел взгляд на Павла. В его глазах читалось явное сомнение. Опыт сыщика подсказывал ему, что здесь что-то не так, но зацепиться было абсолютно не за что.

— Учитесь хорошо, студенты, — с легкой угрозой в голосе произнес капитан ОБХСС. — Торговый институт — место серьезное. Стране нужны честные кадры, а не проходимцы. Я за вашей комнатой присматривать буду. Смирнов, рожу попроще сделай, а то точно Зуеву политэкономию завалишь.

Капитан круто повернулся и вышел из комнаты. Дружинник последовал за ним, напоследок злобно зыркнув на парней. Дверь захлопнулась. В коридоре еще пару минут слышался затихающий топот сапог и причитания Клавдии Семеновны.

Как только входная дверь на улицу громко хлопнула, Колька Смирнов буквально сполз со стула на пол, тяжело и часто задыхаясь.— Мамочки… Пронесло… Паш, ты железный! Я думал, мне прямо там, за столом, инфаркт стукнет!

Как ты так с ним? Это же сам Громов! Про него на Галерее такие ужасы рассказывают!

Павел не ответил. Он быстро подошел к окну, осторожно отодвинул серую занавеску и посмотрел вниз. Из подъезда вышли Громов и дружинник. Они сели в сине-желтый милицейский «УАЗик» и машина медленно покатила по разбитому питерскому двору-колодцу.

Ивлев отошел от окна и стремительно направился к «Ригонде». Время расслабляться еще не пришло. Реалии советской экономики жестко заявляли о себе: товар лежал внутри горячего лампового приемника, и если его не вытащить прямо сейчас, джинсы за триста рублей просто обуглятся.

— Хватит валяться, Колян, — холодно бросил Павел, откручивая заднюю панель радиолы. — Доставай заначку. Опасность миновала, теперь начинается бизнес. Завтра мы идем в институт продавать этот дефицит. И продадим мы его не так, как вы привыкли — из-под полы в туалете, а по уму. По высшему разряду розничной торговли.

Глава 3. Золотой сегмент

Утро 16 сентября встретило Ленинград мелкой водяной пылью, наползающей со стороны Невы. Павел стоял перед мутным зеркалом в коммунальной прихожей, критически осматривая свое новое имущество. На нем были чистые, но безнадежно устаревшие советские брюки фабрики «Большевичка» и серая трикотажная кофта.

— Пашка, ты там заснул? — Колька Смирнов, караулившийся его у дверей комнаты, нервно переминался с ноги на ногу. В руках он держал обычный студенческий портфель. Внутри, аккуратно завернутые в плотную оберточную бумагу, лежали три пары джинсов «Super Rifle». — Может, ну его? Давай Косте-Одесситу обратно отдадим с небольшой скидкой? Мне до сих пор Громов во сне снится.

— Смирнов, ты в бизнесе ничего не понимаешь, — спокойно ответил Павел, поправляя воротник. — Отдать товар обратно — значит зафиксировать убыток и показать слабость. В ритейле так не делают. Мы не будем бегать по подворотням. Мы идем к целевой аудитории.

Ленинградский институт советской торговли имени Фридриха Энгельса на Новороссийской улице встретил их шумом сотен голосов. Для Павла из 2026 года это было удивительное зрелище. Большинство студентов были одеты просто, даже бедно — типовые пальто, бесформенные пиджа-

ки, отечественные ботинки. Но среди этой серой массы резко выделялся так называемый «золотой сегмент» — дети профессоров, директоров крупных гастрономов, партийных работников Выборгского райкома и внешторговцев. Вот у них было всё: чехословацкие туфли, югославские плащи, импортные сумки.

— Видишь вон того мажора у окна? — Павел кивнул в сторону высокого блондина в умопомрачительном вельветовом пиджаке винного цвета. Парень небрежно крутил в руках ключи, кажется, от отцовской «Тройки» (ВАЗ-2103) и снисходительно улыбался окружившим его первокурсницам.— Это Владик Токарев, — завистливо прошептал Колька. — У него отец — замдиректора базы «Главрыба». Владик в прошлом месяце «Монтану» настоящую притаскивал, хвастался. К нему не подступиться, он с простыми не знается.

— Отличный лид, — резюмировал Павел профессиональным языком закупщика. — Пошли знакомиться.

Обычный советский фарцовщик подошел бы к Владику в туалете и заговорщически прошептал: *«Слышь, паря, шмотки нужны?»*. Но Павел Ивлев строил продажи иначе. Он использовал классический метод создания искусственного дефицита и триггер эксклюзивности.

Павел уверенно подошел к подоконнику, у которого стоял Токарев, и встал чуть в стороне, демонстративно игнорируя «элиту». Он повернулся к Кольке и громко, четко, с легкой скукой в голосе произнёс:— Колян, короче, скажи своему

дипломату из консульства, что за такие деньги я эту партию не возьму. Три пары оригинальных синих «Райфлов», жесткий деним, двойной шов, все бирки на месте. Но ростовка… Плевать, что тридцать вторая. Настоящие джинсы ушивать — только портить. Передай ему, что товар зависнет. Нет у нас в институте людей с деньгами и хорошим вкусом под такой эксклюзив. Придется на филфак везти, к иностранцам.

Владик Токарев, до этого увлеченно рассказывавший девушкам про поездку в Таллин, осекся. Его ухо моментально уловило связку слов: *«дипломат»*, *«Райфл»*, *«тридцать вторая ростовка»*. А фраза про «отсутствие людей с деньгами и вкусом» ударила по мажорскому самолюбию, как хлыстом.

Токарев медленно повернулся к Павлу, смерив его высокомерным взглядом. Однако спокойная, уверенная поза Ивлева и его холодные серые глаза заставили Владика сбавить спесь.

— Слышь, земляк, — Токарев сделал шаг навстречу. — Чё ты там про тридцать вторую ростовку говорил? И про вкус?

Павел лениво повернул голову, словно только что заметил собеседника.— Да так, личные дела, — сухо бросил он. — Не бери в голову.

— Погоди, — Владик за чистый понт готов был отдать последние штаны, а тут речь шла о дефицитном дениме, который в Гостином дворе перекупщики отрывали с руками за

безумные деньги. — У меня как раз тридцать второй рост. Покажи.

Павел сделал едва заметный кивок Кольке. Тот, сглотнув слюну, приоткрыл замок портфеля ровно настолько, чтобы Владик увидел угол плотной, темно-синей ткани с характерной аккуратной желтой прострочкой и новеньким кожаным лейблом. Настоящая фирма́. Не польский самопал, не крашеная мешковина.

У Токарева загорелись глаза. Это был стопроцентный гол в девятку.

— Сколько? — коротко спросил Владик, косясь на проходящих мимо однокурсников.

Обычная цена на «Райфл» у фарцовщиков на Галерее составляла 180-200 рублей. Павел, мгновенно просчитав пла-

тежеспособность клиента и его желание утереть всем нос, выдал:— Двести тридцать. И только потому, что не хочу тащить их на филфак.

У Кольки за спиной беззвучно открылся рот. Двести тридцать рублей — это были огромные деньги, почти две месячные зарплаты инженера.

— Ты сдурел? На Галерее по две сотни лежат! — попытался сбить цену Токарев.

— Ну так поезжай на Галерею, — равнодушно пожал плечами Павел. — Возьми там у цыган перелицованную индийскую подделку, которая после первой стирки станет серой. А это — прямая поставка. Привезено вчера. Жесткий деним, тереться будут как надо, со стрелками. Не купят здесь — через час их заберет Вадим с четвертого курса, у него отец в горкоме.

Павел мастерски применил технику «ограниченного предложения». Он развернулся, показывая, что разговор окончен.

— Стой! — Владик дернулся, закусив губу. Упустить такие штаны, чтобы их носил какой-то Вадим? Да над Токаревым вся компания смеяться будет. — Ладно. Двести тридцать. Но деньги после третьей пары лекций. Мне у парней перехватить надо, с собой только сотка.

— В час дня на заднем дворе, у старой теплицы, — отчеканил Павел. — Опоздаешь на пять минут — товар уйдет.

Владик кивнул и быстро пошел по коридору, лихорадочно

соображая, у кого занять недостающую сумму.

Павел повернулся к застывшему Кольке и тихо, одними губами произнес:— Первая пошла. А теперь ищи девчонок с экономического. У нас осталось четыре баночки польского крема, а это товар, который продает себя сам, если правильно преподнести.

Но не успел Смирнов ответить, как дорогу им преградила невысокая, строго одетая девушка с аккуратной прической и комсомольским значком на лацкане пиджака. Это была Галина Свиридова — староста их потока и круглая отличница. Ее карие глаза смотрели на Павла с явным подозрением.

— Ивлев, Смирнов, — строго произнесла она, скрестив руки на груди. — Вы почему не в аудитории? И о каком это «товаре» вы сейчас с Токаревым шептались? На вас уже из деканата косо смотрят за пропуски. Смотрите у меня, если вы опять во что-то ввязались, я лично этот вопрос на комсомольском собрании подниму!

Глава 4. Маркетинг против комсомола

Галина Свиридова стояла, уперев руки в бока, и её аккуратно выглаженный синий пиджак буквально излучал партийную строгость. В 1978 году такие правильные девочки были страшной силой. Один её донос в деканат или комитет комсомола — и Павла с Колей завертело бы в таких бюрократических жерновах, что никакие джинсы не спасли бы.

Колька за спиной Павла попытался слиться со стеной, судорожно прижимая к себе портфель с контрабандой.

Павел же спокойно улыбнулся. Ему, как бывшему топ-менеджеру, за свою карьеру приходилось договариваться с самыми несговорчивыми проверяющими органами, профсоюзами и капризными акционерами. Принцип везде один — найди скрытую потребность человека и дай ему её. А Галина, при всей своей строгости, оставалась восемнадцатилетней девушкой. И Ивлев, обладая памятью прежнего Пашки, прекрасно знал её слабое место. Галя безумно хотела казаться солидной и взрослой, но её бледное лицо и простенькая прическа говорили об обратном — девчонка просто не умела за собой ухаживать из-за отсутствия нормальной косметики.

— Галочка, — мягко, снизив тон до доверительного, произнес Павел. Он сделал шаг вперед, деликатно оттесняя её

от центра коридора к глубокому подоконнику, подальше от лишних ушей. — Ну какой товар? Ты же знаешь Токарева. Он у меня конспекты по экономическому анализу выпрашивал. У него же в голове одна «Монтана» да дискотеки, а сессия на носу. Вот я и объяснял человеку, что без хорошей «базы» его никакой папа из «Главрыбы» не отмажет.

Свиридова недоверчиво прищурилась, но напор Павла её явно смутил. Обычно Ивлев при её появлении мямлил или пытался сбежать, а тут держался как заправский дипломат.

— Конспекты? — Галя перевела взгляд на портфель Кольки. — А в портфеле у Смирнова что? Почему он его так держит, словно там бомба?

— Там… это… — пискнул Колька.

— Там учебники из библиотеки, — перебил Павел, плавно перехватывая инициативу. — И кое-что, о чем я хотел поговорить лично с тобой. Как со старостой и самым ответственным человеком на курсе. Галь, уделишь мне минуту? Это конфиденциально.

Слово «конфиденциально» подействовало на комсомолку как магия. Ей польстило, что хулиганистый Ивлев признает её авторитет. Она строго кивнула:— Ладно. Но только минуту, Ивлев. Скоро звонок.

Павел незаметно завел руку за спину, сделал Кольке знак «исчезни» и легким движением выудил из бокового кармана куртки маленькую, тяжелую коробочку из плотного картона с изящными золотыми буквами. Польский крем «Pani

Walewska». В СССР конца семидесятых эта синяя баночка была вершиной мечтаний любой женщины. Французские духи стоили космических денег, а этот крем был идеальным дефицитом: потрясающий аромат, роскошная упаковка под старину и реальный статус.

— Вот, — Павел аккуратно положил коробочку на подоконник перед Галиной. — Мой дядя вернулся из командировки в Варшаву. Привез маме, но ошибся — у мамы аллергия. Я сразу подумал о тебе. Наш поток должен представлять человек, который выглядит безупречно на любом собрании. Возьми. Это не взятка, Галь. Это, если хочешь, спонсорская помощь нашей лучшей старосте. От чистого сердца.

Галина посмотрела на коробочку. Её карие глаза округлились. Она судорожно сглотнула. «Пани Валевска»! Её мама три месяца искала такой крем через знакомых в Госторговле к юбилею, но так и не достала. А тут он лежал прямо перед ней. Синий, пахнущий заграничной роскошью даже сквозь картон.

— Ивлев… ты что? Это же… это же незаконно! — шепотом, но уже без прежней злости вымолвила она. Её рука непроизвольно двинулась к коробочке, пальцы коснулись гладкого картона. — Сколько он стоит? Я не могу взять просто так.

— Для тебя — нисколько, — улыбнулся Павел, закрепив успех. — Считай это моим вкладом в укрепление дисциплины на курсе. Только, Галочка, давай уговор: Токарев об этом

знать не должен. А то он решит, что я и ему конспекты бесплатно отдавать обязан. Договорились?

Галя быстро, воровато огляделась по сторонам. В коридоре было шумно, на них никто не смотрел. Одним молниеносным движением, которому позавидовал бы любой карманник, комсомолка смахнула заветную коробочку в свою простенькую советскую сумку. Щелкнул замочек.

На щеках отличницы выступил густой румянец. Она строго поправила комсомольский значок, но в глазах уже горел совсем другой — чисто женский, торжествующий огонек.

— Ладно, Ивлев, — уже гораздо тише и мягче сказала она. — Я проверю твою посещаемость. Но чтобы на лекции у профессора Зуева были оба! Смирнова своего тоже приведи, а то он бледный какой-то, точно заболеет.

— Обязательно будем, Галочка, — кивнул Павел.

Свиридова круто повернулась и быстрыми шагами направилась к аудитории. Опасность со стороны комсомола была ликвидирована самым классическим маркетинговым ходом — точечным удовлетворением спроса ключевого лица.

Из-за угла осторожно высунулся Колька, вытирая пот со лба.— Паш… ты шаман. Ты просто шаман. Отдать «Валевску» бесплатно? За нее же сорок рублей можно было выручить!

— Смирнов, ты опять мыслишь как мелкий лавочник, — Павел похлопал друга по плечу. — Мы не потеряли сорок рублей. Мы только что купили себе безопасность на всем по-

токе как минимум до конца семестра. Теперь Галя будет закрывать глаза на наши отлучки. А сорок рублей мы заложим в стоимость оставшегося товара. Маржинальность бизнеса это позволяет. Пошли, у нас в час дня встреча у теплицы.

Время летело стремительно. Отрезав положенные два часа на лекции по научному коммунизму, где Павел, честно говоря, едва не уснул от монотонного голоса профессора, парни наконец дождались заветного часа.

Задний двор института советской торговли встретил их тишиной. Здесь, за полуразрушенным зданием старой учебной теплицы, заросшей бурьяном и крапивой, обычно курили прогульщики.

Павел и Колька подошли к кирпичной стене. Из-за угла показался Владик Токарев. На его плече висел импортный кожаный портфель, но пришел он не один. Рядом с ним шли двое рослых парней в кожаных куртках-пилотах и тяжелых ботинках. Лица у парней были характерные для окраинных ленинградских банд — тупые, уверенные в своей силе и не обещающие ничего хорошего.

— Принесли? — коротко спросил Владик, останавливаясь в трех метрах. Его спутники синхронно сделали шаги в стороны, беря Павла и Кольку в полукольцо.

Колька ощутимо задрожал и прижал портфель с джинсами к животу. Павел даже не шелохнулся. Его внутренний закупщик мгновенно распознал классическую попытку силового давления при сделке. Мажор решил не просто купить

дефицит, а показать, кто здесь главный, и, возможно, сбить цену до минимума.

— Товар у нас, — спокойно ответил Павел, глядя прямо на Токарева и полностью игнорируя его «группу поддержки». — А у тебя что, Владик? Проблемы с памятью? Мы договаривались на сделку один на один. Зачем ты привел этих двоих? Они тоже хотят купить «Super Rifle» тридцать второго размера? На них они не налезут, даже если мы их вдоль разрежем.

Один из амбалов, постарше, с коротким шрамом над губой, сделал шаг вперед и сплюнул сквозь зубы:— Слышь, интеллигенция. Ты пасть-то прикрой. Владик сказал, ты тут шмотками барыжишь по барыжным ценам. Давай сюда портфель, мы сами посмотрим, что там за фирма. И цену пере-

считаем. По-нашему, по-быстрому.

Колька за спиной Павла тихонько пискнул. Ситуация пахла банальным грабежом на задворках института.

Глава 5. Жесткие переговоры

Амбал со шрамом сделал еще один шаг, сокращая дистанцию. От него отчетливо пахло дешевым одеколоном «Шипр» и сигаретами «Астра». Он протянул огромную, мозолистую ладонь к портфелю Кольки, уверенный, что испуганные студенты сейчас сами отдадут всё, лишь бы их не побили.

Павел даже не шелохнулся. В своей прошлой жизни в 2026 году он вел переговоры с такими персонажами, по сравнению с которыми эти дворовые качки казались детсадовцами. Он прекрасно знал: такие люди понимают только силу или полную, абсолютную уверенность. Если ты начнешь пятиться — тебя сомнут. Если покажешь, что тебе плевать — они засомневаются.

— Владик, — негромко, но так, что амбал невольно остановился, произнес Павел. Его голос был холодным, как лед на Неве. — Ты совершаешь очень большую ошибку. Прямо сейчас.

Токарев, который до этого довольно ухмылялся, замялся. Спокойствие Павла его напугало.

— Слышь, Ивлев, ты не борзей, — уже менее уверенно сказал мажор. — Деньги-то у меня есть. Но парни говорят, что двести тридцать — это грабеж. По соточке за пару — и разойдемся по-хорошему.

— По соточке? — Павел коротко, цинично усмехнулся

и посмотрел на часы на руке Токарева. — Время — час и пять минут. Твое время вышло, Токарев. Сделка отменяется. Товар уходит другому покупателю.

— Ты чё, не понял, щегол? — рявкнул второй амбал, подаваясь вперед. — Сюда портфель дал!

Павел резко повернулся к нему. Взгляд его серых глаз стал настолько тяжелым и жестким, что здоровяк осекся. Сорокалетний опыт топ-менеджера, управлявшего тысячами людей, и полное отсутствие страха перед советской шпаной дали Павлу колоссальное психологическое преимущество.

— Послушай меня внимательно, персонаж, — тихо, но отчетливо чеканя каждое слово, сказал Павел, глядя амбалу прямо в переносицу. — Ты сейчас заберешь свою клешню, и вы трое тихо пойдете отсюда обратно на свои окраины. Потому что если этот портфель хотя бы сдвинется с места без денег, то ровно через двадцать минут этот молодой человек, — Павел кивнул на Кольку, — дойдет до телефона-автомата. И наберет один прямой номер.

Владик Токарев побледнел.— Какой еще номер? — севшим голосом спросил он.

— Номер дежурного офицера Второго управления КГБ по Ленинграду и Ленинградской области, — соврал Павел, даже не моргнув глазом. Это был чистый, эталонный блеф, но в 1978 году аббревиатура «КГБ» действовала на людей как парализующий газ. — Вчера вечером у меня в коммуналке был капитан ОБХСС Громов. Можете спросить у моих сосе-

дей, полдвора видело его «УАЗик». Мы с Иваном Васильевичем очень плотно пообщались. Эти три пары «Райфла» — не просто шмотки, Владик. Это контрольная партия по делу о контрабанде из Выборгского порта. И если товар пропадет или цена изменится, Громов очень расстроится. А твой папа из «Главрыбы», Владик, пойдет поднизом по делу о соучастии в спекуляции государственного масштаба. Хочешь проверить? Рискни. Купи штаны со скидкой.

В воздухе повисла мертвая, звенящая тишина.

Блеф Павла был идеальным. Он связал реальный факт (визит Громова, о котором мажоры могли узнать от соседей) с выдуманной историей про КГБ. Для советского человека, особенно для сына крупного номенклатурщика, это звучало как смертный приговор. Владик слишком хорошо знал, как быстро ломаются карьеры чиновников, если за них берется Комитет.

Амбалы переглянулись. Из их лиц мгновенно испарилась вся блатная спесь. Они были готовы потрясти обычного фарцовщика, но лезть в разборки КГБ и ОБХСС из-за каких-то штанов? Увольте.

— Влад… ты чё-то не то говорил, — пробормотал первый амбал со шрамом, пятясь назад. — Какие-то мутные дела. Нам проблемы с ментами не нужны. Пошли мы.

— Погодите, парни… — пискнул Токарев, но его «крыша» уже быстро разворачивалась и уходила быстрым шагом в сторону трамвайного кольца.

Мажор остался один. Его модно подстриженная голова смешно дергалась, а вельветовый пиджак больше не казался символом величия. Он посмотрел на Павла с ужасом и уважением одновременно.

— Паш… Ивлев… Да ладно тебе, я же пошутил, — лепетал Токарев, судорожно открывая свой кожаный портфель. Пальцы его не слушались. Он вытащил толстую пачку советских купюр — зеленые трешки, синие пятерки, красные десятки. — Вот. Тут ровно двести тридцать. Как договаривались. Честное слово. Забирай. Только Громову… и в Комитет… не надо ничего, ладно? Отец меня убьет.

Павел спокойно взял пачку. На глазах у изумленного Кольки он не спеша, скрупулезно пересчитал деньги. Ровно двести тридцать рублей. Огромная сумма, на которую в 1978 году можно было жить несколько месяцев.

— Держи товар, — Павел кивнул Кольке. Смирнов на деревянных ногах подошел к Токареву, вытащил сверток с первыми джинсами и буквально впихнул его мажору в руки.

Владик схватил сверток, прижал к себе и, даже не проверяя размер, бросился бежать в сторону главного корпуса, едва не спотыкаясь на ходу.

Павел аккуратно убрал пачку денег во внутренний карман куртки и повернулся к Кольке. Тот стоял, опершись о кирпичную стену теплицы, и тяжело дышал, как после марафона.

— Паша… ты… ты сумасшедший, — выдохнул Смирнов. — КГБ? Второе управление? Контрольная партия? Да если бы они раскусили, что ты врешь, они бы нас тут закопали!

— Но ведь не раскусили, — спокойно ответил Павел, поправляя воротник. — Запомни, Коля: в торговле побеждает тот, у кого крепче нервы и кто лучше знает страхи своего клиента. Владик до смерти боится потерять свой сытый мирок. На этом мы и сыграли.

Павел вытащил из кармана оставшиеся деньги. В кошельке приятно тяжелел первый крупный капитал. Но Ивлев понимал: это лишь капля в море. Продавать джинсы поштучно в коридорах института — это мелкое ремесленничество. Чтобы построить настоящую торговую империю в СССР и не сесть, нужно выходить на совершенно другой уровень. На уровень цеховиков и государственных баз дефицита.

— Ладно, Смирнов, закрыли тему, — скомандовал Павел. — Первая прибыль зафиксирована. Пятьдесят рублей — твоя доля за логистику и хранение. Держи.

Колька уставился на протянутые ему купюры так, словно Павел предлагал ему кусок золота.

— А теперь, — глаза Павла азартно блеснули, — у нас остались еще две пары «Райфлов» и три помады. И я знаю, кому мы продадим их сегодня вечером. Мы идем в самый модный ресторан Ленинграда — «Метрополь». Там собирается публика, которая платит не задумываясь. Нам нужен крупный оборотный капитал, Коля. И мы его достанем.

Глава 6. Огни «Метрополя»

Вечерний Ленинград зажигал редкие желтые фонари, отражавшиеся в мокром асфальте Садовой улицы. Павел и Колька стояли у массивных стеклянных дверей ресторана «Метрополь» — одного из самых роскошных и недоступных заведений города. Изнутри доносился приглушенный швейцарскими шторами гул голосов, звон хрусталя и живая джазовая музыка.

Советский человек не мог просто так с улицы зайти в «Метрополь». У входа всегда толпилась очередь из командировочных и инженеров, а суровый швейцар в форме с золотыми галунами качал головой и твердил монотонное: *«Мест нет. Ресторан спецобслуживания»*.

— Паш, нас не пустят, — Колька испуганно дернул друга за рукав, косясь на толпу. — Посмотри на нас. Мы же студенты. Шрам на дверях сразу ментов вызовет.

— Смирнов, в сфере услуг всё решают не правила, а дефицит и личная выгода, — спокойно ответил Павел.

Он уверенно обошел очередь и постучал трехрублевой монетой в стекло двери. Швейцар — грузный старик с лицом отставного полковника — недовольно приоткрыл дверь, собираясь рявкнуть. Но Павел не дал ему вставить слова. Ловким движением руки, отточенным еще в ритейле 2020-х при работе с контрагентами, он просунул в щель сложенную

вчетверо хрустящую зеленую купюру — одиннадцать рублей (десятка и рубль сверху «на чай»).

— Уважаемый, нам на двоих, чисто поужинать, — тихо, но веско сказал Павел. — Нас ждут люди из Внешторга.

Швейцар молниеносно спрятал деньги в карман брюк, окинул парней наметанным взглядом и приоткрыл дверь шире:— Проходите быстро, молодые люди. Гардероб прямо, места в малом зале у колонны.

Колька зашел в вестибюль с таким видом, словно они только что ограбили банк. Внутри пахло дорогим табаком, коньяком «Арарат» и запеченным мясом. За столиками сидели грузинские цеховики в кепках-аэродромах, холеные интуристы, дамы в мехах и крепкие мужчины в строгих костюмах — ленинградская элита теневой экономики и номенклатуры.

Они сели за небольшой столик. Павел лениво заказал официанту бутылку сухого «Цинандали», порцию цыпленка табака и мясную нарезку.

— Паш, зачем мы здесь? — шепотом спросил Колька, открывая портфель под столом. Там лежали последние две пары джинсов «Super Rifle» и три польские помады. — Кому мы тут это продадим? Тут же все упакованные.

— Вот именно, — улыбнулся Павел. — Нам нужны не просто те, у кого есть деньги, а те, у кого они оборачиваются каждый день. Смотри на барную стойку.

У бара сидел мужчина лет тридцати пяти в безупречном

финском костюме-тройке. Он курил «Кент», лениво потягивая дефицитный чешский «Пльзеньский Праздрой». Около него крутились двое парней попроще, которые то и дело подсаживались к нему и что-то шептали на ухо. Это был Валик-Мордвин — один из крупнейших валютчиков и скупщиков Ленинграда, державший под собой фарцовщиков у гостиницы «Европейская».

Павел поднялся, взял свой бокал с вином и, оставив Кольку караулить портфель, не спеша подошел к бару. Он сел на соседний стул и кивнул бармену:— Повтори товарищу пиво. И мне «коньячный» бокал нарзана.

Валик-Мордвин медленно повернул голову, осматривая наглого юнца.— Земляк, ты никого не перепутал? — негромко, но с явной угрозой спросил он. — Я здесь один пью.

— Я знаю, кто ты, Валентин, — спокойно ответил Павел, пригубив минералку. — Я пришел по делу. У меня есть канал поставок. Прямой Выборг. Недельный объем — от пятидесяти до ста единиц жесткого денима. Только «Rifle» и «Levi's». Плюс польская и французская косметика крупными партиями. Ищу надежного оптовика, который может закрывать сделки в день прихода товара. Без задержек и глупых вопросов.

Валик замер с сигаретой у рта. Наглый студент говорил не как обычный испуганный матрос или мелкий спекулянт. Он использовал термины *«канал поставок»*, *«недельный объ-*

*ем»*и *«оптовик»*. В его голосе звучала уверенность крупного игрока.

— Выборг, говоришь? — Валик прищурился, оценивая Павла. — В Выборге всё под Костей-Лысым. Ты от него?

— Я сам по себе, — отрезал Павел, применив свой опыт ведения переговоров с монополистами. — Костя работает по старинке — везет сумками. У меня промышленная логистика через торговый флот. Первая партия уже в городе. Мой человек сидит за угловым столиком. Две пары штанов и помады как образец качества. Готов отдать прямо сейчас, но по оптовой цене — сто семьдесят за пару. Чтобы ты убедился, что товар чистый.

Валютчик молча курил пару секунд, просчитывая выгоду. Сто семьдесят рублей за оригинальный «Райфл» — это от-

личная цена для опта, в розницу он скинет их по двести двадцать за полчаса.

— Ладно, коммерсант, — Валик тушил сигарету в пепельнице. — Пошли, посмотрим твой образец. Если качество устроит — заберу всё. Но если ты мне туфту подсовываешь или ментовской хвост привел — из Невы тебя твоя промышленная логистика вылавливать будет. Понял?

— По рукам, — кивнул Павел, поднимаясь со стула.

Они направились к столику, где бледный Колька уже судорожно допивал свое вино, готовый к любому повороту событий. Павел понимал: он только что сделал самый важный шаг — вышел на оптового покупателя. Теневая машина Ленинграда начинала работать на него.

Глава 8. Номенклатурный билет

Павел прикрыл дверь, отрезая комнату от сонного коммунального коридора. Галина сделала пару шагов внутрь, неловко остановившись у лакированного стола. В тусклом свете настольной лампы под зеленым абажуром она больше не выглядела той грозной фурией с трибуны. Растрёпанные после осеннего ветра волосы, расстёгнутое пальто, а на щеках — едва заметный румянец.

— Ивлев, ты только ничего такого не подумай, — быстро заговорила она, пряча руки в карманы. — Я действительно по делу. Вечером заполняла ведомость по взносам и вспомнила, что у тебя за прошлый месяц долг — тридцать копеек. Но… я не поэтому пришла.

Павел усмехнулся, прислонившись плечом к косяку. Он прекрасно считывал язык тела. Сорокалетний опыт подсказывал: за тридцать копеек комсомолки не приходят в мужские комнаты заполночь, благоухая дефицитным польским кремом.

— Садись, Галя, в ногах правды нет, — Павел кивнул на единственный стул. — Извини, чая предложить не могу, соседи на кухне конфорки на ночь перекрывают. Давай сразу к главному. Как крем? Подошел?

При упоминании «Пани Валевской» строгое лицо Свиридовой окончательно растаяло. Она присела на край стула и

вздохнула, преображаясь в обычную девчонку.

— Паш… Это просто чудо какое-то, — прошептала она, и в её глазах блеснул искренний восторг. — Мама как увидела баночку на моем трюмо, чуть в обморок не упала. Она его у своей подруги из главка Госторга полгода выпрашивала, а тут я приношу. В общем… мама её у меня отобрала. Сказала, что молодой девчонке такой дорогой уход ни к чему, а ей на следующей неделе идти на банкет в Ленсовет.

Павел мысленно поставил галочку. *«Ленсовет»*. Вот оно, ключевое слово. Закупщик внутри него мгновенно выстроил новую логическую цепочку B2B-продаж.

— И теперь твоя мама хочет еще одну баночку? — мягко подсказал Павел, присаживаясь на край кровати напротив неё.

— Не только, — Галя подняла на него глаза, в которых теперь читалось крайнее смущение. — Она устроила мне настоящий допрос. Откуда у простого студента Ивлева такие вещи. Я соврала, как ты учил, — сказала про дядю-дипломата из Варшавы. Мама долго молчала, а потом велела мне передать тебе… В общем, Паш, мой папа — Свиридов Пётр Николаевич. Он возглавляет Третий отдел управления материально-технического снабжения Ленгорисполкома.

У Павла внутри словно щелкнул тумблер. Отдел снабжения Горисполкома! В условиях тотального советского дефицита человек на такой должности обладал властью, сопоставимой с министром. Он распределял фонды, лимиты, квар-

тиры, путевки и, главное, имел доступ к спецраспределителям товаров для высшей партийной номенклатуры.

— Папа сказал, что если твой «дядя» может привозить не только косметику, но и серьезные вещи, например, финскую сантехнику для ведомственного санатория или… ну, японскую аппаратуру, то у твоего дяди не будет никаких проблем с таможней на Выборгском направлении. И с пропиской в Ленинграде тебе тоже могут помочь. Папа готов встретиться с тобой лично. В неформальной обстановке. У нас на даче в Репино, в эти выходные.

Павел едва сдержал победную улыбку. Блестяще. Мелкая взятка в виде крема за сорок рублей обернулась выходом на самый верх ленинградской номенклатуры. Именно это ему и было нужно. На одних джинсах и помадах империю не построишь — ОБХСС рано или поздно зажмет в углу. А вот под прикрытием чиновника из Горисполкома можно развернуть бизнес совсем другого масштаба. Тот самый Sharp GF-777, о котором говорил Валик-Мордвин, теперь не казался несбыточной мечтой.

— Что ж, Галочка, — Павел поднялся, подошел к ней и аккуратно взял её за руку. Пальцы у отличницы были прохладными и слегка дрожали. — Передай Петру Николаевичу, что я с большим уважением отношусь к его работе. И в субботу обязательно приеду. Твоему папе ведь нравится хорошая музыка? Скажи ему, что я привезу прототип одного очень интересного японского аппарата. Чисто для ознаком-

ления.

Галя подняла на него взгляд. Напряжение между ними стало почти осязаемым. В этот момент она видела в Ивлеве не просто однокурсника-прогульщика, а сильного, загадочного мужчину, который решает вопросы, непосильные даже для её влиятельного отца.

— Паш… — тихо выдохнула она, не отнимая руки. — Ты только аккуратнее. Время сейчас такое… опасное.

— Вся моя жизнь — управление рисками, Галя, — улыбнулся Павел, осторожно наклоняясь к ней.

В комнате пахло польской «Валевской» и осенней свежестью. До заветной субботней поездки в номенклатурный поселок Репино оставалось всего три дня, и Павлу нужно было кровь из носу достать то, чего в Ленинграде не было ни за какие деньги — новенький, запечатанный в коробку японский магнитофон.

Глава 8. Номенклатурный билет

Павел прикрыл дверь, отрезая комнату от сонного коммунального коридора. Галина сделала пару шагов внутрь, неловко остановившись у лакированного стола. В тусклом свете настольной лампы под зеленым абажуром она больше не выглядела той грозной фурией с трибуны. Растрёпанные после осеннего ветра волосы, расстёгнутое пальто, а на щеках — едва заметный румянец.

— Ивлев, ты только ничего такого не подумай, — быстро заговорила она, пряча руки в карманы. — Я действительно по делу. Вечером заполняла ведомость по взносам и вспомнила, что у тебя за прошлый месяц долг — тридцать копеек. Но… я не поэтому пришла.

Павел усмехнулся, прислонившись плечом к косяку. Он прекрасно считывал язык тела. Сорокалетний опыт подсказывал: за тридцать копеек комсомолки не приходят в мужские комнаты заполночь, благоухая дефицитным польским кремом.

— Садись, Галя, в ногах правды нет, — Павел кивнул на единственный стул. — Извини, чая предложить не могу, соседи на кухне конфорки на ночь перекрывают. Давай сразу к главному. Как крем? Подошел?

При упоминании «Пани Валевской» строгое лицо Свиридовой окончательно растаяло. Она присела на край стула и

вздохнула, преображаясь в обычную девчонку.

— Паш… Это просто чудо какое-то, — прошептала она, и в её глазах блеснул искренний восторг. — Мама как увидела баночку на моем трюмо, чуть в обморок не упала. Она его у своей подруги из главка Госторга полгода выпрашивала, а тут я приношу. В общем… мама её у меня отобрала. Сказала, что молодой девчонке такой дорогой уход ни к чему, а ей на следующей неделе идти на банкет в Ленсовет.

Павел мысленно поставил галочку. *«Ленсовет»*. Вот оно, ключевое слово. Закупщик внутри него мгновенно выстроил новую логическую цепочку B2B-продаж.

— И теперь твоя мама хочет еще одну баночку? — мягко подсказал Павел, присаживаясь на край кровати напротив неё.

— Не только, — Галя подняла на него глаза, в которых теперь читалось крайнее смущение. — Она устроила мне настоящий допрос. Откуда у простого студента Ивлева такие вещи. Я соврала, как ты учил, — сказала про дядю-дипломата из Варшавы. Мама долго молчала, а потом велела мне передать тебе… В общем, Паш, мой папа — Свиридов Пётр Николаевич. Он возглавляет Третий отдел управления материально-технического снабжения Ленгорисполкома.

У Павла внутри словно щелкнул тумблер. Отдел снабжения Горисполкома! В условиях тотального советского дефицита человек на такой должности обладал властью, сопоставимой с министром. Он распределял фонды, лимиты, квар-

тиры, путевки и, главное, имел доступ к спецраспределителям товаров для высшей партийной номенклатуры.

— Папа сказал, что если твой «дядя» может привозить не только косметику, но и серьезные вещи, например, финскую сантехнику для ведомственного санатория или… ну, японскую аппаратуру, то у твоего дяди не будет никаких проблем с таможней на Выборгском направлении. И с пропиской в Ленинграде тебе тоже могут помочь. Папа готов встретиться с тобой лично. В неформальной обстановке. У нас на даче в Репино, в эти выходные.

Павел едва сдержал победную улыбку. Блестяще. Мелкая взятка в виде крема за сорок рублей обернулась выходом на самый верх ленинградской номенклатуры. Именно это ему и было нужно. На одних джинсах и помадах империю не построишь — ОБХСС рано или поздно зажмет в углу. А вот под прикрытием чиновника из Горисполкома можно развернуть бизнес совсем другого масштаба. Тот самый Sharp GF-777, о котором говорил Валик-Мордвин, теперь не казался несбыточной мечтой.

— Что ж, Галочка, — Павел поднялся, подошел к ней и аккуратно взял её за руку. Пальцы у отличницы были прохладными и слегка дрожали. — Передай Петру Николаевичу, что я с большим уважением отношусь к его работе. И в субботу обязательно приеду. Твоему папе ведь нравится хорошая музыка? Скажи ему, что я привезу прототип одного очень интересного японского аппарата. Чисто для ознаком-

ления.

Галя подняла на него взгляд. Напряжение между ними стало почти осязаемым. В этот момент она видела в Ивлеве не просто однокурсника-прогульщика, а сильного, загадочного мужчину, который решает вопросы, непосильные даже для её влиятельного отца.

— Паш… — тихо выдохнула она, не отнимая руки. — Ты только аккуратнее. Время сейчас такое… опасное.

— Вся моя жизнь — управление рисками, Галя, — улыбнулся Павел, осторожно наклоняясь к ней.

В комнате пахло польской «Валевской» и осенней свежестью. До заветной субботней поездки в номенклатурный поселок Репино оставалось всего три дня, и Павлу нужно было кровь из носу достать то, чего в Ленинграде не было ни за какие деньги — новенький, запечатанный в коробку японский магнитофон.

Глава 10. Смотрины в Репино

Номенклатурный поселок Репино на берегу Финского залива кардинально отличался от обшарпанных ленинградских коммуналок. Здесь, среди вековых корабельных сосен, прятались добротные двухэтажные дачи за высокими заборами. В этих местах отдыхала высшая советская элита: партийные боссы, знаменитые академики и, конечно же, руководство Горисполкома.

Павел приехал в субботу днем на пригородной электричке. Огромную коробку с японским «Шарпом», завернутую в плотную мешковину и обвязанную бечевкой, пришлось тащить на плече. Деньги на вторую половину выкупа для портовых работяг он успел перехватить у Валика-Мордвина под честное слово — валютчик, услышав про завязки в Горисполкоме, выдал нужную сумму без лишних разговоров и лично отправил курьера в Выборг, чтобы вызволить Кольку. Смирнов был в безопасности, но теперь Павел был кругом должен. Контракт со Свиридовым-старшим обязан был выгореть любой ценой.

Дача начальника Третьего отдела материально-технического снабжения Ленгорисполкома Петра Николаевича Свиридова встретила Павла тишиной и запахом дорогого шашлыка.

Дверь открыла Галина. На ней было простое, но невероят-

но стильное трикотажное платье, а её лицо, аккуратно тронутое той самой помадой и кремом «Пани Валевска», выглядело удивительно свежим и притягательным.

— Паша! Приехал… — выдохнула она, оглядываясь на глубину дома, и тут же перехватила тяжелую коробку. — Давай её сюда, в прихожую. Папа на веранде, ждет тебя. Он сегодня… строгий. Будь аккуратнее.

— Нам не привыкать к сложным переговорам, Галочка, — подмигнул ей Павел, снимая мокрую куртку.

Пётр Николаевич Свиридов оказался плотным, импозантным мужчиной за пятьдесят, с аккуратными седыми усами и цепким, тяжелым взглядом номенклатурного волка. Он сидел в плетеном кресле на застекленной веранде, одетый в дорогой велюровый спортивный костюм, и не спеша пил чай из чешского фарфорового подстаканника. Рядом сидела его супруга, ухоженная женщина с высокой прической, которая при виде Павла благосклонно наклонила голову.

— Ну, здравствуй, студент Ивлев, — неторопливо произнес Свиридов-старший, не поднимаясь с места. — Дочка мне про тебя много рассказывала. И про твоего удивительного «дядю-дипломата» тоже. Садись к столу. Рассказывай, чем дышишь, чего от жизни хочешь. Только без комсомольских лозунгов, у меня от них на работе скулы сводит.

Павел сел на стул напротив чиновника. Закупщик из 2026 года мгновенно оценил психотип собеседника. Перед ним сидел классический советский функционер эпохи застоя —

циничный, прагматичный, уставший от демагогии, ценящий реальный статус и конкретную выгоду. На такого бесполезно давить лоском или дарить мелкие сувениры. Нужен был сокрушительный козырь.

— Здравствуйте, Пётр Николаевич, — спокойно ответил Павел, глядя чиновнику прямо в глаза. — Дышу я экономикой и логистикой. Понимаю, что стране не хватает качественного снабжения, особенно в преддверии Олимпиады. А от жизни хочу взаимовыгодного сотрудничества с умными людьми. Мой дядя просил передать вам личный привет. И… скромный демонстрационный образец того, что мы можем поставлять на регулярной основе в обход любых официальных лимитов и баз Торгмортранса.

Павел поднялся, прошел в прихожую и занес тяжелую коробку на веранду. Одним движением он сорвал мешковину и вскрыл глянцевый импортный картон.

Когда на деревянный стол веранды лег огромный, сияющий хромированными переключателями, массивными динамиками и неоновыми шкалами **Sharp GF-777Z**, на веранде повисла абсолютная, звенящая тишина. В 1978 году этот магнитофон выглядел как инопланетный космический корабль. Даже у видавшего виды начальника снабжения Горисполкома от удивления приоткрылся рот, а из пальцев едва не выскочил фарфоровый стакан.

— Матерь божья… — тихо вымолвила супруга Свиридова, прижимая ладонь к груди. — Петя… это же тот самый. Из каталога «Vneshposhtorg».

Пётр Николаевич медленно поднялся с кресла. Его пальцы, привыкшие подписывать накладные на тонны цемента и дефицитного кафеля, благоговейно коснулись прохладного

японского пластика и тяжелых металлических тумблеров.

— В заводской упаковке… Со шнурами… — как в трансе прошептал Свиридов-старший. Он резко повернулся к Павелу, и его взгляд из лениво-сытого мгновенно стал жестким, оценивающим. — Откуда это, парень? За такой аппарат в Ленинграде три тысячи рублей на месте отвалят, и еще в очереди драться будут. На таможне за него расстрел через одного обещают. Как протащил?

— У моего дяди свои каналы через финских перевозчиков «Совтрансавто» и первый помощников капитанов торгового флота, — глазом не моргнув, соврал Павел, закрепляя успех. — Всё легально, Пётр Николаевич. Аппарат идет как личный подарок вашей семье от наших зарубежных партнеров. Бесплатно. Но мы бы хотели обсудить встречную услугу. Нам нужен выход на склады ленинградского Госторга и негласное прикрытие со стороны Выборгского райисполкома для организации небольшого… распределительного центра.

Свиридов долго смотрел на сияющий японский «Шарп», переводя взгляд то на магнитофон, то на невероятно уверенного 18-летнего студента. Жадность и жажда номенклатурного престижа вели переговоры с его врожденной осторожностью. Наконец, он тяжело вздохнул и опустил руку на плечо Павла.

— Ну что ж, Ивлев… Давай присядем и поговорим по-взрослому. Похоже, ты действительно закупщик высшей лиги, как Галя говорила. Давай обсудим наши лимиты…

Но договорить чиновник не успел.

В этот самый момент у деревянной калитки дачи с противным, резким визгом тормозов остановился знакомый сине-желтый милицейский «УАЗик». Хлопнули железные двери. Тяжелые, уверенные шаги зазвучали на гравийной дорожке, ведущей прямо к веранде.

Павел похолодел, бросив взгляд в окно. Через калитку, расстегивая на ходу кобуру и держа в руке официальное постановление, размашисто шел капитан ОБХСС Громов. А за его спиной маячили двое оперативников в штатском. Наводка Валика-Мордвина или Колька где-то проболтался? Времени думать не было. Капитан ОБХСС шел брать Павла с поличным прямо в логове начальника Горисполкома.

Глава 10. Смотрины в Репино

Номенклатурный поселок Репино на берегу Финского залива кардинально отличался от обшарпанных ленинградских коммуналок. Здесь, среди вековых корабельных сосен, прятались добротные двухэтажные дачи за высокими заборами. В этих местах отдыхала высшая советская элита: партийные боссы, знаменитые академики и, конечно же, руководство Горисполкома.

Павел приехал в субботу днем на пригородной электричке. Огромную коробку с японским «Шарпом», завернутую в плотную мешковину и обвязанную бечевкой, пришлось тащить на плече. Деньги на вторую половину выкупа для портовых работяг он успел перехватить у Валика-Мордвина под честное слово — валютчик, услышав про завязки в Горисполкоме, выдал нужную сумму без лишних разговоров и лично отправил курьера в Выборг, чтобы вызволить Кольку. Смирнов был в безопасности, но теперь Павел был кругом должен. Контракт со Свиридовым-старшим обязан был выгореть любой ценой.

Дача начальника Третьего отдела материально-технического снабжения Ленгорисполкома Петра Николаевича Свиридова встретила Павла тишиной и запахом дорогого шашлыка.

Дверь открыла Галина. На ней было простое, но невероят-

но стильное трикотажное платье, а её лицо, аккуратно тронутое той самой помадой и кремом «Пани Валевска», выглядело удивительно свежим и притягательным.

— Паша! Приехал… — выдохнула она, оглядываясь на глубину дома, и тут же перехватила тяжелую коробку. — Давай её сюда, в прихожую. Папа на веранде, ждет тебя. Он сегодня… строгий. Будь аккуратнее.

— Нам не привыкать к сложным переговорам, Галочка, — подмигнул ей Павел, снимая мокрую куртку.

Пётр Николаевич Свиридов оказался плотным, импозантным мужчиной за пятьдесят, с аккуратными седыми усами и цепким, тяжелым взглядом номенклатурного волка. Он сидел в плетеном кресле на застекленной веранде, одетый в дорогой велюровый спортивный костюм, и не спеша пил чай из чешского фарфорового подстаканника. Рядом сидела его супруга, ухоженная женщина с высокой прической, которая при виде Павла благосклонно наклонила голову.

— Ну, здравствуй, студент Ивлев, — неторопливо произнес Свиридов-старший, не поднимаясь с места. — Дочка мне про тебя много рассказывала. И про твоего удивительного «дядю-дипломата» тоже. Садись к столу. Рассказывай, чем дышишь, чего от жизни хочешь. Только без комсомольских лозунгов, у меня от них на работе скулы сводит.

Павел сел на стул напротив чиновника. Закупщик из 2026 года мгновенно оценил психотип собеседника. Перед ним сидел классический советский функционер эпохи застоя —

циничный, прагматичный, уставший от демагогии, ценящий реальный статус и конкретную выгоду. На такого бесполезно давить лоском или дарить мелкие сувениры. Нужен был сокрушительный козырь.

— Здравствуйте, Пётр Николаевич, — спокойно ответил Павел, глядя чиновнику прямо в глаза. — Дышу я экономикой и логистикой. Понимаю, что стране не хватает качественного снабжения, особенно в преддверии Олимпиады. А от жизни хочу взаимовыгодного сотрудничества с умными людьми. Мой дядя просил передать вам личный привет. И… скромный демонстрационный образец того, что мы можем поставлять на регулярной основе в обход любых официальных лимитов и баз Торгмортранса.

Павел поднялся, прошел в прихожую и занес тяжелую коробку на веранду. Одним движением он сорвал мешковину и вскрыл глянцевый импортный картон.

Когда на деревянный стол веранды лег огромный, сияющий хромированными переключателями, массивными динамиками и неоновыми шкалами **Sharp GF-777Z**, на веранде повисла абсолютная, звенящая тишина. В 1978 году этот магнитофон выглядел как инопланетный космический корабль. Даже у видавшего виды начальника снабжения Горисполкома от удивления приоткрылся рот, а из пальцев едва не выскочил фарфоровый стакан.

— Матерь божья… — тихо вымолвила супруга Свиридова, прижимая ладонь к груди. — Петя… это же тот самый. Из каталога «Vneshposhtorg».

Пётр Николаевич медленно поднялся с кресла. Его пальцы, привыкшие подписывать накладные на тонны цемента и дефицитного кафеля, благоговейно коснулись прохладного

японского пластика и тяжелых металлических тумблеров.

— В заводской упаковке… Со шнурами… — как в трансе прошептал Свиридов-старший. Он резко повернулся к Павелу, и его взгляд из лениво-сытого мгновенно стал жестким, оценивающим. — Откуда это, парень? За такой аппарат в Ленинграде три тысячи рублей на месте отвалят, и еще в очереди драться будут. На таможне за него расстрел через одного обещают. Как протащил?

— У моего дяди свои каналы через финских перевозчиков «Совтрансавто» и первый помощников капитанов торгового флота, — глазом не моргнув, соврал Павел, закрепляя успех. — Всё легально, Пётр Николаевич. Аппарат идет как личный подарок вашей семье от наших зарубежных партнеров. Бесплатно. Но мы бы хотели обсудить встречную услугу. Нам нужен выход на склады ленинградского Госторга и негласное прикрытие со стороны Выборгского райисполкома для организации небольшого… распределительного центра.

Свиридов долго смотрел на сияющий японский «Шарп», переводя взгляд то на магнитофон, то на невероятно уверенного 18-летнего студента. Жадность и жажда номенклатурного престижа вели переговоры с его врожденной осторожностью. Наконец, он тяжело вздохнул и опустил руку на плечо Павла.

— Ну что ж, Ивлев… Давай присядем и поговорим по-взрослому. Похоже, ты действительно закупщик высшей лиги, как Галя говорила. Давай обсудим наши лимиты…

Но договорить чиновник не успел.

В этот самый момент у деревянной калитки дачи с противным, резким визгом тормозов остановился знакомый сине-желтый милицейский «УАЗик». Хлопнули железные двери. Тяжелые, уверенные шаги зазвучали на гравийной дорожке, ведущей прямо к веранде.

Павел похолодел, бросив взгляд в окно. Через калитку, расстегивая на ходу кобуру и держа в руке официальное постановление, размашисто шел капитан ОБХСС Громов. А за его спиной маячили двое оперативников в штатском. Наводка Валика-Мордвина или Колька где-то проболтался? Времени думать не было. Капитан ОБХСС шел брать Павла с поличным прямо в логове начальника Горисполкома.

Γ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.